

УДК 314.74

А.А. Авдашкин

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор А.А. Пасс

ПРИГРАНИЧНЫЙ РЕГИОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В 1991 – 2002 ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

В предложенной статье рассматриваются миграционные процессы в приграничном регионе Российской Федерации на примере Челябинской области в 1991 – 2002 гг., связанные как с распадом СССР и возникновением русской диаспоры как тахлизма в Средней Азии, так и эмиграцией немецкого и еврейского населения в дальнее зарубежье, трудовыми миграциями и последующим формированием диаспор, нелегальными миграционными потоками.

Приграничный регион, Южный Урал, Челябинская область, миграции, эмиграция, вынужденные миграции, нелегальная миграция, диаспоры.

The article considers the migration processes in the border region of the Russian Federation on the example of Chelyabinsk region (1991 – 2002) associated with the disintegration of the USSR and the emergence of the Russian diaspora disaster in Central Asia as well as the emigration of German and Jewish population, labor migration and the subsequent formation of diasporas, illegal migration flows.

Border region, South Ural, Chelyabinsk region, migration, emigration, forced migration, illegal migration, diasporas.

Распад СССР сопровождался переформатированием политических границ, падением уровня жизни населения в результате строительства рыночной экономики, обострением социальных, политических и этнических противоречий и конфликтов. Множество людей были вынуждены покидать места своего обитания, спасаясь от дискриминации, физической опасности, потери социально-экономических перспектив. «Новые» приграничные территории Российской Федерации, обладавшие удобным географическим положением, развитой промышленностью и крупными городами, представляли приемлемый объект для миграции.

Одним из таких регионов явилась Челябинская область – полиэтничный и многокофессиональный регион, этноконтактная зона на стыке Азии и Европы. После распада СССР в 1991 г. и изменения границ область стала «воротами из Европы в Азию». Регион обладал удобным транспортным положением для миграций из Средней Азии, развитой инфраструктурой и промышленностью. Миграция имела разноплановый характер не только в социальном, демографическом и гендерном аспектах, но была и полиэтнична по своей сути, что стало одним из факторов усложнения и коррекции этнического состава населения. Исходя из этого, представляется актуальным сосредоточиться на заявленной автором теме исследования.

Прежде всего, значение миграции в заявленный автором период повышалось в виду того, что в целом

по региону отмечалась естественная убыль населения (табл. 1). Так за 1994 г. миграция перекрыла 85 % убыли, в 1995 г. 48,5 %, в 1996 г. 43 % [9, с. 12].

Таблица 1

**Динамика убыли и прироста населения
в Челябинской области за 1990 – 2001 гг.**
[8, с. 15], [10, с. 73]

Годы	Естественный прирост (убыль)	Миграционный прирост (убыль)	Абсолютный прирост
1991	4,1	-7,2	3,1
1992	-4	0,3	-3,7
1993	-16,7	-0,8	-17,5
1994	-21,5	30,8	9,3
1995	-21,6	10,5	-11,1
1996	-18,7	8,1	-10,6
1997	-17	20	3
1998	-14,8	17,4	2,6
1999	-21,9	10,8	-11,1
2000	-24	8,4	-15,6
2001	-22,9	0,4	-22,5

Приведенные данные демонстрируют, что в 1991 – 2001 гг. миграционный прирост населения области составил порядка 86,1 тыс. На фоне распада СССР,

последовавших военных конфликтов, общего ухудшения положения русскоязычного населения в бывших союзных республиках – в первую очередь Среднеазиатских – на первый план выходили вынужденные миграции. Поток вынужденных миграций в регион нарастал достаточно быстро, начавшись в 1992 г. Если на 01.07.1992 г. вынужденных мигрантов числилось 647, то уже на 01.01.1993 г. их численность составила 3015, на 01.01.1994 г. – 6152, на 01.01.1995 г. – 12819, на 01.07.1995 г. эта цифра составила уже 13987 [13, с. 2].

Всего же за период 1992 – 1998 гг. в область приехали и получили официальный статус 12 тыс. вынужденных переселенцев и 7,9 тыс. беженцев. В сумме это дает нам порядка 20 тыс. вынужденных мигрантов. Общая география «зон исхода» населения была очень широка, поскольку представлены были все республики бывшего СССР. Однако наибольшее число беженцев и вынужденных переселенцев прибыли из Казахстана (7666), Таджикистана (3745), Узбекистана (3816), Грузии (1176), Азербайджана (676) [7, л. 12]. Как мы можем заметить, остро стояла проблема вынужденной миграции из Казахстана. В качестве причин выезда указывается увольнение с предприятий, сокращение преподавания русского языка, нарушение прав человека, угроза расправы и моральное унижение, экономическая незащищенность [8, с. 11]. Казахстан в заявленный период активно покидало нетитульное население – выезжали русские, немцы, украинцы. Политика «казахизации», «бытовой национализм», отсутствие перспектив интеграции для будущих поколений вынуждали население уезжать из Казахстана [3, с. 4].

Вышесказанное позволяет охарактеризовать русских в Средней Азии в качестве диаспоры катаклизма. Данное понятие применял Р. Брубейкер для осмысления слома политических границ, в итоге разделяющих этнические группы, когда «не группы пересекают границы, а границы, трансформируясь, пересекают сами этнические группы» [16, р. 3], превращая их в диаспоры с очень сложным положением в новом государстве.

Открытие государственных границ, неудовлетворительное социально-экономическое положение, внутриполитическая нестабильность способствовали формированию новых миграционных потоков. Начался процесс эмиграции населения области в страны дальнего зарубежья: Германию, Израиль, США, Польшу, Канаду. Начиная с 1993 г. этот поток стабильно составлял по 3 – 3,5 тыс. в год. Основным направлением исхода являлась Германия, в конце 90-х гг. на нее приходилось 87,7 % выехавших в дальнее зарубежье, 8,3 % выехали в Израиль. Остальные 4 % были распределены между другими странами.

Социальную структуру эмиграции, как правило, составляли представители интеллигенции, высококвалифицированные специалисты, семьи крупных предпринимателей. Этнический состав эмиграции конца 1990-х гг. выглядит следующими образом: 65 % – немцы, 25 % – русские, 7,2 % – евреи [8, с. 12 – 13].

Так, в 1993 г. в страны дальнего зарубежья выехали 3 тыс., в 1994 г. – 3,5 тыс., 1995 г. – 4,3 тыс., за первое полугодие 1996 г. – 1,5 тыс. [11, с. 3]. Иными словами, в заявленный период наметился постепенный исход немецкого и еврейского населения на историческую родину. Всего по подсчетам специалистов к 2002 г. регион покинуло порядка 11 тыс. немцев [цит. по: 1, с. 5], к 1998 г. – 4,9 тыс. евреев [4, с. 432].

Мы можем выделить и трудовую миграцию, внесшую в заявленный период некоторые коррективы в этнический состав населения Челябинской области¹. Рассмотрим динамику численности этнических групп, охарактеризованных автором в качестве диаспор [2, с. 184].

Таблица 2

Динамика численности диаспоральных групп в Челябинской области по данным переписи населения 1989 и 2002 гг.
[6, с. 6]

Этническая группа	1989 г.	2002 г.
Азербайджанцы	3475	7379
Армяне	2293	8601
Казахи	33230	36219
Таджики	870	5125
Узбеки	3475	3057
Грузины	1256	1796
Корейцы	463	959

Увеличение численности представителей народов Закавказья и выходцев из Таджикистана произошло в результате трудовой миграции, занятия бизнесом, постепенной интеграции в принимающее общество.

Как отмечал С. Вертовек, трудовая миграция обладает рядом значительных экономических, культурных, социальных последствий, а именно:

- миграционные сообщества неоднородны по своей структуре, включая «центр», группы влияния и адаптированных старожилов, периферию, многочисленные сообщества трудовых мигрантов, реализующих индивидуальные и групповые сценарии социальной адаптации;
- возникла система этнических СМИ для удовлетворения потребности в общем дискурсе между представителями группы. Так, например, в 2002 г. в Челябинске возникла газета азербайджанской диаспоры «Озан»;
- межэтнические браки, феномен «второго поколения» [17, р. 575]. Очевидно, что это накладывает отпечаток на структуру диаспоры, трансляцию тех или иных этнокультурных символов от представителей старшего поколения к молодежи;
- миграционные сообщества и диаспоры под-

¹ По методологии переписи 2002 г. проживание на территории области учитывалось от года.

держивают тесную связь со страной схода, их активность носит широкий и разносторонний характер: трансграничные сети коммуникаций могут быть направлены на удовлетворение культурных, языковых, образовательных потребностей [14, с. 175]. Исследователь Н. Ван Хеер в этой связи поставил важный практический вопрос: «Как объяснить и охарактеризовать качественный переход от миграционных сообществ к диаспоре?» [Цит. по: 15, р. 31]. Как полагает Г. Шеффер, ключевой характеристикой диаспор является их стремление к созданию трансграничных сетей коммуникаций между страной проживания и исхода (или исторической родиной), поскольку динамика развития сообщества мигрантов до диаспоры определяется накоплением групповых ресурсов для установления и усложнения трансграничных контактов [14, с. 169 – 174]. Накопленные ресурсы позволяют установить разветвленные и разноплановые контакты со страной исхода или исторической родиной;

– за счет накопления ресурсов (экономических, интеллектуальных, социальных) и последующей их артикуляции возникла система общественных организаций. В рассматриваемый автором период в Челябинской области для удовлетворения этнокультурных потребностей и решения социальных проблем диаспор возникали немецкие, еврейские, а также корейский, грузинский, армянский, таджикский, азербайджанский, казахский, узбекский культурные центры, стремившиеся не только к возрождению культуры своего народа, социальной и юридической помощи «своим», но и установлению связей с исторической родиной, странами исхода [2, с. 183 – 186].

В заявленный период наблюдалась и нелегальная миграция, которая была во многом связана с «прозрачностью» границы с соседним Казахстаном, политическими, социально-экономическими проблемами в бывших союзных республиках. Основную массу нелегальных мигрантов в заявленный период составляли граждане государств Средней Азии и Закавказья, которые приезжали с целью поиска работы или ведения коммерческой деятельности. В ходе проверок и специальных мероприятий в 1999 г. было выявлено порядка 14,5 тыс. иностранцев, незаконно пребывавших на территории области, из них 11 тыс. граждане стран СНГ. Кроме того, в конце 1990-х гг. некоторые сегменты стихийно образованных сообществ нелегальных мигрантов из Китая и Таджикистана (общая численность нелегалов из этих государств за эти годы оценивалась в 3,5 – 5 и 20 тыс. соответственно) оказывали определенное влияние на криминогенную обстановку в регионе [8, с. 12]. Нарушался режим пребывания на территории Российской Федерации, правила занятия коммерческой деятельностью, совершались различные преступления. Феномен нелегальной миграции создавал благоприятную среду для нарушений закона: с одной стороны, нелегал в силу своего статуса не мог рассчитывать на защиту правоохранительных органов и становился «идеальной жертвой», а с другой, ускользал от контроля и учета со стороны соответствующих служб.

Применительно к влиянию нелегальной миграции на криминогенную обстановку принято использовать и такое понятие как «этническая преступность». На наш взгляд, данное понятие не отражает сути явления, умножая сущности. Неэффективность законов, коррупция сформировали благоприятную среду для трансграничной преступности. Преступные группировки стремятся действовать в максимально комфортных для себя условиях и в случае, если их обнаруживают в соседнем государстве, они «перешагивают» границы, в силу чего понятие трансграничной преступности представляется более целесообразным.

Так, только за 1996 – 1998 гг. (надо отметить, что до этого момента учета не велось) в отношении китайских граждан было заведено порядка 30 уголовных дел. Схема их нелегального пребывания сводилась к выезду из Китая в Казахстан, в который действовали упрощенные правила въезда из Китая – после они нелегально пересекали границу России с Казахстаном. Жертвами их деятельности – поборы, грабежи – являлись такие же нелегалы, занимавшиеся торговлей, бизнесом на территории г. Челябинска и Челябинской области [5, с. 1 – 2].

В 1990-е гг. активно начал действовать и наркобизнес – частный случай трансграничной преступности, опутавшей все государства Средней Азии. Учитывая значительную протяженность границы России и Казахстана, ее «прозрачность», она стала удобным транспортным коридором для трансграничного наркобизнеса и его «инфраструктуры» (нелегальные контакты, способы пересечения границы, ввоза грузов и проживания на территории РФ). Так, на конец 1990-х гг. 93 % марихуаны, 85 % гашиша, 78 % опия – поступали в Россию транзитом именно через Казахстан [12, с. 413].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод, что теоретические положения Р. Брубейкера о диаспорах катаклизма, Г. Шеффера о трансграничных системах коммуникаций имеют актуальный когнитивный потенциал для исторической науки и смежных с ней отраслей гуманитарного знания. Он может быть востребован для изучения:

- 1) миграционных процессов в постсоветский период;
- 2) приграничных регионов, возникших в экстремальных условиях распада единого государства;
- 3) общих закономерностей формирования миграционных сообществ и диаспор.

Переформатирование границ и экономик республик бывшего СССР формировали сначала вынужденные, а потом «свободные» трудовые миграции, полиэтнические по своему составу, создавая условия для возникновения диаспор. Этот процесс инициировался за счет самоорганизации миграционных групп, поиска ими вакантных социально-экономических ниш, адаптированными мигрантами-«старожилами». Миграционные или «новые» диаспоры в настоящий момент находятся в стадии формирования: идет процесс их социальной, культурной адаптации, социализации как второго поколения, так и потомков от межэтнических

браков, нарабатывается опыт отношений с исторической родиной или страной исхода.

Возникает настоятельная потребность в научном осмыслении и регулировании соотношения барьерных и контактных функций границ для оптимизации и максимальной прозрачности трансграничных связей, что ее пересекают и сдерживания таких угроз как этнический и религиозный экстремизм, нарко-трафик, нелегальная миграция. В силу того, что в Российской Федерации до настоящего момента не разработана научная концепция миграционной политики, необходимо предпринять ряд мер для формирования эффективного механизма управления миграцией и ее последствиями, а именно:

1) проведение качественных и количественных исследований постсоветских миграций для выявления их проблем и этнокультурной, социальной специфики в каждом из регионов и приграничных «поясов»;

2) создание комплексной системы мониторинга и анализа межэтнического восприятия в регионах, наиболее подверженных миграционным процессам;

3) комплексное изучение феномена «мигрантофобии» с тем, чтобы эффективно противостоять ему и максимально избавить общество от нежелательных и разрушительных последствий его вспышек;

4) организация для мигрантов специальных трудовых бирж, которые одновременно занимались бы юридической работой (узакониванием пребывания в России), разъяснительной работой (информированием о вакансиях, преимуществах работы по тем или иным профессиям, о правах и льготах), содействием в трудоустройстве (профессиональное обучение, переобучение), социальным обеспечением нуждающихся категорий (оказание помощи в поиске жилья, получении медицинского обслуживания, устройстве детей трудовых мигрантов в детские сады и школы, посещении занятий по русскому языку и др.).

Источники и литература

1. *Авдашкин, А.А.* Немцы г. Копейска: от клубов по интересам до диаспоры (1989 – 2000 гг.) / А.А. Авдашкин

// Мир Евразии. – 2013. – № 3. – С. 4 – 7.

2. *Авдашкин, А.А.* Формирование диаспор Челябинской области: 1989 – 2003 гг. / А.А. Авдашкин // Вестник ЧГАКИ. – 2013. – № 2. – С. 183 – 186.

3. *Алейников, М.В.* Русскоязычное население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е гг. XX в.) / М.В. Алейников, И.Е. Боровиков // Мир Евразии. – 2013. – № 2. – С. 2 – 7.

4. *Ерусалимчик, Г.И.* Разные судьбы – одна судьба (из истории Челябинских евреев) / Г.И. Ерусалимчик. – Челябинск, 1999.

5. *Лузин, Л.* Вероятные приключения китайцев в России / Л. Лузин // Челябинский рабочий. – 1998. – 13 марта. – С. 1 – 2.

6. Национальный состав населения Челябинской области по итогам Всероссийской переписи населения 2002 года: Стат. сб. Челябинскстат. – Челябинск, 2005.

7. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). – Р. 700. – Оп. 1. – Д. 583.

8. *Попов, А.Н.* Управление миграционной безопасностью (Региональный аспект) / А.Н. Попов, Н.Н. Суворова, А.Н. Спицын. – Челябинск, 2002.

9. Региональная миграционная программа Челябинской области на 1998 – 2000 годы. – Челябинск, 1999.

10. *Суворова, И.Н.* Воспроизводство населения и его миграция (на примере Челябинской области) / И.Н. Суворова // Этнопанорама. – 2002. – № 1. – С. 72 – 75.

11. *Суворова, Н.Н.* Анализ миграционных процессов на территории Челябинской области / Н.Н. Суворова, А.В. Журавлев, Т.М. Иванова. – Челябинск, 1997.

12. *Хвощев, В.Е.* Границы безопасности и безопасность границ / В.Е. Хвощев. – Челябинск, 2001.

13. *Хропанова, Т.* Мигранты в Челябинске / Т. Хропанова // Вечерний Челябинск. – 1995. – 17 октября. – С. 2.

14. *Шеффер, Г.* Диаспоры в мировой политике / Г. Шеффер // Диаспоры. – 2003. – № 1. – С. 162 – 184.

15. *Berthomiere, W.* Diaspora: An Overview of a Concept at the Crossroad of Nation-State and Transnationalism / W. Berthomiere // Comparative European Research in Migration, Diversity and identities / ed. by W. Bosswick, C. Husband. – Bilbao, University of Deusto, 2005. – P. 25 – 32.

16. *Brubaker, R.* The «diaspora» diaspora / R. Brubaker // Ethnic and Racial Studies. – 2005. – V. 28. – № 1. – P. 1 – 19.

17. *Vertovec, S.* Transnationalism and identity / S. Vertovec // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2001. – V. 27. – № 4. – P. 573 – 582.

УДК 930+94(73).092+321+329

И.К. Лапина, А.А. Смирнов

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ РАЗДЕЛЕННОГО ПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА 2000-Х ГОДОВ

В статье рассматриваются новые подходы к изучению проблемы разделенного правления в зарубежной историографии начала XXI в. Авторы подчеркивают наличие широкого спектра противоречивых точек зрения по основным аспектам разделенного правления, анализируют имеющие место дискуссии относительно причин его возникновения и воздействия данной ситуации на формирование внутренней и внешней политики США, его эффективность как модель государственного управления.

Зарубежная историография, разделенное правление, теория двух президентств, двухпартийная система США.